

Янтарная серёжка

Post nubila Phoebus.

После ненастья – солнце.

Латинское изречение

– ВОТ я и говорю...
– Что ты говоришь?
– Вот я тебе и говорю...
Хотя всё по порядку.

Мы с ней учились на одном курсе архитектурного факультета. Её там все звали Светочка-конфеточка. Веснушки на её вздёрнутом носике появлялись раньше майского солнышка. И вся она, как помню, была душою распахнута, обнажена. Одним словом, Светочка-конфеточка без всяческого там фантика. Весь факультет был влюблён в неё. И больше всех – староста курса, то есть, как вы, наверное, догадываетесь, ваш покорный... Но никому из нас не повезло. Выскочила она за какого-то чемпиона – гребца то ли на байдарке, то ли на каноэ – не разбираюсь в этом – и уплыла с ним в неизвестном направлении. Ей предлагали аспирантуру, в её маленькие, юные руки шли большие интересные заказы, её звали в художественное училище преподавать графику... Нет – у неё л ю б о в ь, видите ли. И всем привет с кисточкой!

И вот встречаю её в поезде. И не просто встречаю, а попадаем мы с ней в одно купе. Сколько лет прошло, а она

всё такая же, будто вот только летние каникулы нас разлучили на пару месяцев. Даже веснушки на носике, показалось мне, всё те же и в том же числе. Обрадовались друг дружке, не знаю как, ведь провести студенческие годы вместе – это, сами понимаете, что такое! Расспрашиваем, рассказываем, а больше вспоминаем разные истории из той нашей крылатой жизни, когда всё впереди, когда горизонты были так чисты и заманчивы. А за окном бегут весенние пейзажи, ложечки в стаканах позванивают малиновым звоном – хорошо! Всё-таки встретить милую твоему сердцу однокашницу и разговориться – это всё равно, что вернуть чудесным образом минуты счастливой юности, выхватить их из небытия.

– Думаю, май – лучший месяц в году, – произнесла она, в который раз окинув взглядом позеленевшие просторы за окном. Её акварельные глаза были продолжением безоблачного майского дня.

Я сказал в такт постукиванию колёс и её настроению:

– Муж твой теперь, наверное, давно на тренерском поприще...

– Кто его знает! – ответила она.

– Как это?! – удивился я. – Ты что, Свет, развелась с ним?

– Давно, когда он ещё активно чемпионствовал.

Моё удивление было понятным, ведь такая всепобеждающая любовь была у неё, что и слов не подобрать.

Она опять устремилась в окно. Однако на сей раз взгляд её был долог и неподвижен, будто смотрела не на пролетающие мимо поля и лесопосадки, а на пыль между оконных стёкол. Лицо её побледнело, и капельки веснушек поразительным образом растворились.

– Прости, – сказал я. – Не мог себе и представить... Может, чаю горячего? – Я не на шутку обеспокоился её бледностью. Но она вдруг улыбнулась, оторвалась от окна:

– Нет, всё в порядке.

Личико её мало-помалу обрело живой цвет, на нём опять вспыхнули привычные созвездия веснушек, и она начала неспешно рассказывать.

– Всё это избито и банально. Ничего нового и сверхъестественного. Пока эта банальность не коснётся тебя самого. – Она прервалась на секунду и спокойно продолжила: – Он изменил мне. Я читала и сама сколько раз бывала свидетелем, когда – вот парадокс! – измена лишь укрепляет любовь. В моём же случае – н е т у ш к и! – Она склонила голову характерным ещё со студенческих времён движением чуть вперёд и набок. – Его и ловить не надо было. Придёт после тренировки или соревнований с дюжиной бутылок пива, устанется в «ящик» и дует одну за другой. Я что-то верещу, а он ноль внимания. Спать уйду, а он всё сидит...

– Разве спортсмены такого уровня пьют?

– Ещё как! – Она перевела дыхание. – Но не в этом дело, а в том, что нормальная женщина, как собака, за версту мужскую ложь должна чувствовать. Это вам, мужикам, что угодно можно на уши вешать. А женщина кожей слышит и видит, всеми своими порами впитывает. Поняла я, короче, всё заранее. Раз как-то спозаранок чемпион мой собирается на

соревнование в Прибалтику. Я так рано не могу вставать, а тут каким-то образом подняла себя. Выхожу в коридор, а он на кухне по телефону: лю-лю-лю, тютю-тютю... да какой янтарь тебе привезти? И ты думаешь, я бросилась на него, как глупая кошка, выпустив все свои когти? Ни чуть! Тихонечко вернулась в свою постель, свернулась клубочком, притихла, только хвост мой нервно... нет, не нервно, а в предвосхищении добычи забился методично, как маятник метронома.

Она замолчала в продолжительном раздумье.

– Вот я и говорю...

И опять замолчала, точно потеряла нить разговора.

– Что ты говоришь, Свет? – не выдержал я.

– Вот я и говорю, надо за слепых выходить. Тогда не будут мужья на других заглядываться и изменять. И семьи крепче станут. Об этом я впервые в то невесёлое для меня время подумала, – заметила она и продолжила: – Вернулся мой прибалт с кучей подарков. Опять со своей командой на регате первое место взял. Спрашивает: «Что не весела? Али не рада мне, киса?» Отвечаю: «Конечно, рада, котик, только вот занеможила маленько. Простыла, видать».

Днём смотался из дому, якобы на тренировку. Какую тренировку в день приезда! Понятно, повёз гадине обещанный янтарь. А на больную жену наплевать.

Однокашница вздохнула. Не тяжело, а точно лёгкие прочищая от какой-то старой мути.

– Конечно, несладко было. Неужели, думала, по сравнению с т о й я хуже, неужели совсем форму потеряла, раз другую завёл? В конторе, на объектах, приёмах, презентациях различных проходу не дают, клеются, да и сама себя я же вижу. Объективно, как художник. И в социальном плане: успешный архитектор, зарабатываю в десять раз больше вшивого байдарочника... Чего не хватает? И готовлю, и стираю, и всячески обхаживаю... В свет, на люди вывожу...

Нет, оказывается, как мужика не корми, всё равно на других баб смотрит.

В двери появился проводник и спросил: не желаем ли мы чаю? Мы согласились с предложением. Я подумал: пора выходить из неподвижного состояния роденовского мыслителя, вернее, слушателя. Вдруг вспомнилось, что у меня в чемоданчике есть кое-что сладенькое, и зашевелился.

— Что это такое? — поинтересовалась Светлана, с нескрываемым интересом разглядывая небольшую, но и немаленькую цветастую коробку, которую я торжественно выставил на столик.

— Лучше позже, чем никогда, — сказал я в оправдание своего склероза и поднял крышечку.

— О-о... халва в кубиках! — воскликнула моя спутница. — Обожаю!

— Вот и прекрасно! — Я же хорошо знал нашу сладкоежку.

Вошёл проводник, позвякивая горячей ношей.

Чай чаем, халва халвой, а курс разговора, как и курс поезда неизменен. Через пять минут она произнесла тихо, словно и не было перерыва в разговоре, точнее, в её рассказе:

— Нет ничего хуже предательства, дружнице.

— Что тут скажешь? — пожал я плечами. — Да, верно. Однако мне больше нравится: нет ничего лучше верности.

— А вычислить её, знаешь ли, не стоило труда. В тот же вечер он накачался пива и уснул мертвецким сном. И никакой жены после командировки не надо. Только храп сотрясал нашу общую кровать. Я взяла с тумбочки его аппарат связи, с которым он круглосуточно был неразлучен, и капитально изучила содержимое. О-о!.. Чего только я там не обнаружила! И номер телефона, и имя, и фото... Хочешь анфас, хочешь профиль, а хочешь в жанре ню... Мерзость! Я сразу узнала её. Она работала в кафе напротив его тренировочной базы. Мы не раз туда заходили, чтобы перекусить. Обслуживала нас, здоровалась, мило улыбалась... Она ведь знала, что он женат, она же и меня знала.

Бывало, я одна заходила к ней, когда ждала его с тренировки. Кафе-то прямо на озере. Столики на палубе открытой. Летом прохладно, ветерок, чайки...

— Что же он весь компромат на себя в одну корзину?..

— Дурак!

— Или настолько был уверен, что ты никогда не полезешь и не станешь проверять?..

— Или я-я дура! — Через паузу: — Доверяла...

— И не проверяла.

— У меня отродясь ничего такого, чекистского, не было, — хмыкнула она.

— Да уж знаю, — ответил я, прокручивая в памяти все годы нашей учёбы, дружбы, надежд... — Как не знать! Начеку ты никогда не была.

— Они же на байдарке-четвёрке. Так вот, одного из них я хорошо знала. Честный, неиспорченный мальчик... он не опроверг моих открытий. При своей чистой душе юноша этот не смог прямо в глаза мне врать. Оказывается, они уже второй год встречались. Противно даже говорить. Ладно бы на какую-нибудь балерину променял, а то квашня квашней!

— Это когда было?

— Говорю же, он был ещё в полной спортивной форме. Так вот, оделась я по последнему писк... макияж, маникюр, ридиколь... и пошла в кафе на озеро. День такой хороший выдался. Середина июля, облака плывут по небу, то закроют солнышко, то откроют, ветерок навстречу с озера свежий... Взошла на судно, по палубе каблучками тук-тук... А она мне навстречу. Улыбается, в ушах серьги янтарные — всё так, как я и предполагала. Здрасьте-здасьте... Как дела?.. Всё нормально!.. Заказываю шестьдесят грамм коньячку (это я в Норвегии научилась, когда ездила на симпозиум; там в барах ни ста, ни пятидесяти, только шестьдесят), на закуску — шоколадную конфетку, любимый салат «оливье» и чёрный кофе без сахара. Она отлично знает моё скромное меню. Приняла заказ, побежала... мимо двух чувачков в светлых летних костюмах, мимо парочки, которая нико-

го и ничего вокруг не видит... А я сижу и смотрю на озёрную воду... Она слегка волнуется, нет-нет да и в борт с всплеском ударит, будто хочет что-то сказать мне. А что говорить-то, всё понятно, как этот ясный день! И точно, последние облака с небушка уплыли. Солнечно, искристо, янтарно! Вот идёт обратно с подносом в руке, попой виль-виль, на чувачков в светлых костюмах зырк-зырк – выразительно так это и одновременно томно, загадочно. Подходит, аккуратно расставляет мой скромный заказ. Говорю ей: «Присядь». Она понимающе улыбается: скучно, мол, дамочке одной выпить-то... присаживается. Я взяла рюмочку за тоненькую ножку, подняла на ясно солнышко проверить лучистость напитка и выполнила первый пункт задуманного. Коньячок, как боженька по груди моей босыми ножками прошёлся. Мягонько так! Знает, тварь, мои потребности! Вторым пунктом я левой рукой взяла тарелку с салатом, вложила в правую, как диск в кисть дискобола, и со всего маху – как это сказать? – приложила ей в левую щёку. Получилось несколько сильнее задуманного. Жертва моего возмездия не удержалась на стуле, села на белый пол отдраенной палубы. Тарелка всё-таки была большеватая для её кукольной щёчки, салат заляпал и глаз, и лоб, и пол испачкал. Чувачки рты пооткрывали, парочка наконец-то оторвала друг от друга глазки... Я допила кофе, окинула взглядом результат своей работы. Красавица так и сидела, то ли недоумённо, то ли ушибленно... Около зелёного горошка, откатившегося от кашицы салата, сверкала на солнышке янтарная серёжка. Я подняла её и пошла.

– И ничего не сказала ей?

– Такие без слов всё понимают. – Светлана опять сделала это своё движение головой чуть вперёд и набок. – Пришла домой, положила на стол перед ним янтарное изделие, у него глаза на лоб, давай оправдываться, врать. Сценарий известен. Потом прощения просить... На другой день, когда донжуана

не было дома, я собрала все его шмотки и отвезла к мамаше, вернее, выгрузила у подъезда его родной хрущёвки.

– А вы где проживали-то?

– В доме, который я сама построила, по своему проекту, на свои деньги.

– Неужели у чемпиона не было своего нормального жилья? Куда он тебя увёз-то?

– Во-первых, он все свои копейки на автомобиле тратил – показухой занимался, во-вторых, что такое чемпионство байдарочника?! – Она только пальчиками вяло взмахнула. – Давай сменим тему. Я на твой вопрос, по-моему, ответила более чем достаточно.

Мы погрузились каждый в свои думы. Я невольно сравнил поступки Светочки-конфеточки времён студенчества с тем, что услышал. Да, у неё во время учёбы были резкие проявления характера, но не настолько же! С одной стороны, я был шокирован её непримиримой, какой-то совершенно не женской суровостью, с другой – порадовался, всё-таки она смогла постоять за себя.

И ещё одна немаловажная деталь.

Чем дольше она говорила, тем больше я проникался её болью не болью, скажу так: состоянием... и тем больше понимал, что по-прежнему люблю её. Я слушал, наблюдал, подмечал и отлетал в те далёкие студенческие времена, когда, будучи старостой курса, опекал её, помогал ей с её характером, когда, в конце концов, не стеснялся признаваться в своих чувствах. Теперь же – такая метаморфоза! – всячески старался не выдать себя, не проявить в себе всё того же по уши влюблённого студента.

Старался, старался... и не совладал с собою, спросил... Впрочем что такого в этом вопросе:

– А сейчас ты замужем?

– Да, – ответила она, – у меня прекрасный, надёжный муж и чудненький сыночек. Ходит, кстати, в художественную школу. Как и у меня, рисунок хорошо получается. С цветом, естественно для его возраста, повозиться любит, но пока, на мой взгляд, не совсем по делу.

– А муж?

– А муж божественно поёт. Драматический тенор. В прошлом году стал лауреатом поволжского конкурса художественной самодеятельности. – Она закивала в подтверждение своих слов так, что русый локон, заткнутый за ухо, вырвался на свободу и занавесил поллица. Она поправила волосы, взяла кубик халвы:

– Вкусно!

Запила остывшим чаем. Через некоторое время полезла в свои закрома и достала коробочку.

– Что это такое? – поинтересовался я с нескрываемым интересом.

– Отгадай!

– Понятно, что не халва.

– Это точно! – Светлана открыла крышечку и высыпала содержимое на столик. Передо мной была янтарная серьга-подвеска. Я взял её двумя пальцами за зацепку. Изделие представляло собой сборную кисть из двух шариков и капельки, свисавшей между ними. Ярко-жёлтая окаменелая смола, которую в народе принято называть слезой моря...

– Зачем она тебе? – спросил я.

– Это самая большая мне наука, – ответила Светлана. – Помни, говорит она, и мотай на ус. Но так как усов у меня нет, то вот, храню в коробочке.

– Пусть в коробочке только и остаётся. – Кроме серёжки, я имел в виду и предательство, и боль, и многое, многое другое нехорошее. Но не стал всего

этого говорить. Считается, что любовь эгоистична. Нет, мне от всей души хотелось, чтобы Светочке-конфеточке в дальнейшей жизни было светло и ясно. Пусть и без меня. Хотя ведь как в своё время мечталось!.. Ёлки-палки, мысль, как лошадь цирковая, ходит и ходит по кругу.

На конечную станцию поезд прибыл утром точно по расписанию. Я помог ей с чемоданом и большой спортивной сумкой, сам-то належке – маленький чемоданчик только, типа саквояж. На перроне солнечно, радостные лица встречающих... Она сразу подошла к мужчине с охотничьим пёсиком. Они обнялись, расцеловались. Это был рослый, ладно сложенный мужчина с благородной посадкой головы, которую обрамляла тронутая сединой шевелюра. Но почему-то он всё время смотрел вниз. Когда я подтащил и спортивную сумку, Светлана представила нас друг другу. Рукопожатие его было крепким, но при этом он не поднял на меня глаз, лишь улыбнулся открыто и красиво. И у меня в голове опять зазвучали не раз сказанные в поезде слова «вот я и говорю, вот я и говорю...» Да, он был слеп.

Душевно попрощались. Он взял в свои крепкие руки чемодан с сумкой, она взяла его под руку, в другой – поводок с пёсиком, и они пошли. Я долго смотрел им вслед. Мне думалось, на его месте я тоже был бы счастлив и улыбчив.

30. 12. 2015